

Г. Козлов

Спорные вопросы новой теории кредита¹

Первый том нового труда И. А. Трахтенберга „Современный кредит и его организация“, несомненно, большое событие в истории нашей экономической мысли. Такой серьезной попытки систематизировать марксову теорию кредита и разработать ее в применении к эпохе финансового капитализма мы еще не имели. Однако, эта книга лучшее свидетельство трудности этого дела. Написанная большим знатоком вопроса эта книга оказывается все же наиболее уязвимой в ее „фундаменте“, в основных положениях, на которых построена вся концепция.

Заслуга автора в том, что он с большим знанием дела поднимает множество разнообразных интересных вопросов, что само по себе надолго послужит толчком к столь необходимой коллективной работе марксистов в этой области.

Форма кредита и природа ссудного капитала

Два основных исходных положения у И. Трахтенберга приводят его к неверному решению проблемы ссудного капитала. Первое связано с решением вопроса о форме кредита, второе — с ролью ссудного капитала в эпоху монополистического капитализма. Начнем с проблемы формы кредита.

И. Трахтенберг различает форму и содержание кредита. Под формой кредита он подразумевает „делку ссуды“, которая представляет собой „специфическую техническую форму передвижения собственности“ (стр. 18). При чем ее основным признаком „надо считать отсрочку возврата эквивалента“ (там же). Эту сторону кредита И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками кредита и противопоставляет этому социальное содержание кредита. „Можно рассматривать кредит как определенный тип сделки, осуществляющий процесс обращения, со стороны ее формальных технико-юридических признаков. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория техническая. Можно рассматривать кредит с точки зрения социального содержания явлений. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория сугубо социальная“ (стр. 14).

Социальное же содержание кредита И. Трахтенберг определяет как общественные отношения, развивающиеся на основе сделок ссуды. „Не сама по себе сделка ссуды составляет сущность кредита как социальной категории, а те общественные отношения, которые вырастают на основе этих сделок“ (стр. 20).

¹ В порядке обсуждения. Ред.

„Форма кредита“ с точки зрения И. Трахтенберга остается неизменной и для древнего мира, и для крепостного хозяйства, и для буржуазного общества. Меняются же те общественные отношения, которые вырастают на основе этой технико-юридической формы („сделки ссуды“) (стр. 17)..

Такова концепция. Не трудно заметить в чем ее порок. Прежде всего, разве та „форма“ кредита, о которой говорит И. Трахтенберг есть нечто постоянное, свойственное всем видам кредита? Можем ли мы ограничиться для ее характеристики лишь моментом отсрочки уплаты эквивалента? Ни в коем случае. Разве „сделка ссуды“ между двумя товаропроизводителями, происходящая при продаже товара в кредит, идентична по форме с „сделкой ссуды“ между ростовщиком и его клиентом или между ссудным и промышленным капиталистом? В первом случае мы действительно имеем просто отсрочку уплаты эквивалента (T — обещание уплаты — T_1 — уплата эквивалента), во втором случае мы имеем сверх отсрочки уплаты эквивалента (особое вознаграждение) заимодавца ($D - D + d$), при чем величина этого маленького „ d “ не стоит в определенном соответствии к D , а вызывается исключительно индивидуальными обстоятельствами данной сделки.

Разве форма $D - 0$ (нуль) — $0 - D + d$ уже не отличается от $T - 0 - 0 - T$ или даже от $T - 0 - 0 - D$?

Наконец, возьмем третий случай — капиталистический кредит. Здесь вся сделка принимает форму купли — продажи товара, особого товара — капитала, при чем процент становится особой формой цены этого товара и как цена всех товаров стоит (в отличие от ростовщического кредита, где нет рынка ссудных капиталов, где ссудный капитал не товар) в определенном соответствии с количеством товара. Разве здесь в этом особом характере сделки мы не имеем модификации самой формы „сделки ссуды“?

Таким образом, мы уже насчитали три типа „сделок ссуды“, три различных формы кредита. Это разграничение мы провели на основе внешних — „формальных“ моментов, того, что И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками. Следовательно, прежде всего опровергается тезис об единой неизменной форме кредита.

Такое разнообразие „форм“ кредита вполне понятно, ибо эти „формы“ суть не что иное как внешнее выражение определенных социальных отношений, заключенных в кредите. „Формы“ эти нельзя оторвать от социальных отношений. Изменение социального содержания кредита неизбежно отражается на его „форме“. Совершенно неверной, следовательно, является трактовка формы кредита, как технической категории. Она есть определенное выражение социального содержания кредита — социальная, точнее экономическая категория. Она механически не привешена к „содержанию“ кредита, а находится с ним в теснейшей органической связи. Также неверно

трактовать „делку ссуды“ — форму кредита, только как юридическую категорию. Здесь есть и юридическая сторона, но она не что иное как рефлекс экономической категории — „делки ссуды“. Наконец, нельзя противопоставлять кредита юридической категории, как технической, кредиту, как социальной категории, ибо правовые категории в достаточной мере социальны...

Такую концепцию, в которой форма кредита носит исключительно юридический характер и не изменяется никогда, несмотря на значительные изменения „развивающихся на ее основе общественных отношений“, нельзя принять, ибо такая трактовка отношения между формой и содержанием во-первых, и между правовыми и экономическими категориями во-вторых, не соответствует тому научному методу, который и мы и, несомненно, И. Трахтенберг считаем единственно правильным. И. Трахтенберг прав в том отношении, что кредит есть общественное отношение и что нет кредита как категории свойственной всем этапам развития товарного хозяйства. Но и внешнее выражение („форма“) этих меняющихся общественных отношений меняется. Из того, что это внешнее выражение фетишистично, скрывает действительные отношения, представляет их как юридические отношения, мы все же не можем заключить, что это внешнее выражение кредита выводится за пределы политической экономии, не представляет собой одной из сторон экономического отношения. Надо вскрыть фетишизм кредитной формы и поставить ее на соответствующее место.

Нечеткость в этом вопросе не позволяет И. Трахтенбергу провести действительного разграничения между различными формами кредита и формой обмена.

„Отсрочка возврата эквивалента создает самостоятельную качественно отличную от купли — продажи форму движения стоимости. Поэтому глубочайшая ошибка полагать, что сделка ссуды является разновидностью сделки купли — продажи. Здесь мы имеем дело с особой формой меновых сделок, принципиально отличной от купли — продажи“ (стр. 19). Если бы И. Трахтенберг дифференцировал формы кредита — „делки ссуды“, то он здесь оказался бы прав в отношении тех сделок ссуды, которые не представляют модификации товарного обмена ($D - D + \partial$). Но он абсолютно неправ в отношении тех „сделок ссуды“, которые происходят в процессе продажи товара. Ибо здесь кредит есть не что иное как особая форма купли — продажи.

Он осуществляет здесь путем изменения функции денег. Деньги функционируют не как средство обращения, а как платежное средство. Конечно, это видоизменение формы процесса обращения, разрешая некоторые его противоречия, воссоздает их на более широкой основе. Но при этой форме кредита мы остаемся в пределах процесса обращения товаров, в пределах тех отношений, которые выражаются в метаморфозе товарной формы.

Мы не имеем здесь „принципиально отличных“ от этого процесса отношений, а только их модификацию.

Из всего что сказано выше ясно, что должно отпасть и первое наиболее общее определение кредитных отношений, даваемое И. Трахтенбергом, сводящееся к тому, что не сделка ссуды составляет сущность кредита, а социальные отношения, развивающиеся на ее основе. Это определение отпадает, ибо, во-первых нельзя сказать, что социальные отношения развиваются на основе сделок ссуды. Наоборот, определенная форма сделки ссуды есть внешнее выражение с естественной необходимостью вырастающих отношений; во-вторых, поэтому также нельзя противопоставлять сделки ссуды, как технического момента, общественным отношениям, она — одна из сторон соответствующих общественных отношений.

Второе основное положение, „второй кит“ И. Трахтенберга заключается в том, что ссудный капитал как капитал особого рода, с особыми закономерностями, как самостоятельная категория проявляет себя лишь в эпоху финансового капитализма. В предыдущие же эпохи он является подчиненным другим формам кредита. Это чрезвычайно важное положение. Между тем, И. Трахтенберг выводит его из недоказанного другого положения, что в эпоху финансового капитализма мы имеем „господство ссудного капитала“. Это последнее И. Трахтенберг преподносит как аксиому. Между тем, это центральный вопрос. Если в эпоху финансового капитала мы имеем господство ссудного капитала, значит, природа ссудного капитала раскрывается только в эту эпоху. Это же определяет отношение категории ссудного капитала к другим видам кредита. К сожалению, положение, постулируемое здесь И. Трахтенбергом, не может быть доказано. Оно расходится и с общепринятыми у нас, основанными на изучении фактов взглядами. „Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала“ (Ленин, т. XIII, стр. 306). „Финансовый капитал есть банковый капитал монополистически — не многих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников“ (там же, стр. 305).

Следовательно, господствующим является финансовый капитал (и закономерности его движения), а финансовый капитал есть „слившийся“ капитал, а не есть ссудный капитал и не есть „сращенный капитал“ под диктатурой ссудного.

И. Трахтенберг пишет: „Эта категория становится господствующей в том смысле, что она подчиняет себе, закономерностям своего движения, другие формы капитала“ (25). Но что это за закономерности ее движения? И. Трахтенберг их совершенно правильно перечисляет (в главе II). Ссудный капитал — капитал, приносящий проценты в противоположность другим видам капитала: а) всегда выступает в форме денег; б) не знает метаморфоз товара и денег; в) отчуждается всегда как специфический товар „денежный капитал“;

г) возрастание ссудного капитала происходит в актах обращения вне непосредственной связи с воспроизводством капитала и т. д. Могут ли вообще эти закономерности стать господствующими для всех видов капитала? Это невозможно, ибо основными закономерностями все же остаются закономерности капитала, как такового, с их необходимостью смены фаз и форм. Господство финансового капитала и означает, что капитал в известной мере принимает внешнюю форму ссудного капитала, но основными господствующими закономерностями движения капитала остаются закономерности промышленного капитала.

Факт сращения ссудного капитала с промышленным означает по существу, что в эпоху финансового капитала уже нельзя искать чистых закономерностей ссудного капитала. Это видно хотя бы из того, что доход ссудного капитала состоит из процента. Доход же финансового капитала по форме лишь является процентом, но по существу здесь соединены и предпринимательская прибыль и процент — здесь вся прибыль. Это — общеизвестные истины. Но отсюда следует, что ссудный капитал, как „особый сорт“ (Маркс) капитала полностью выявляет свою природу в эпоху капитализма с господством свободной конкуренции. В эпоху финансового капитализма уже происходит „перерождение“ ссудного капитала. Ссудный капитал полностью выявляет себя как особая категория уже в эпоху „свободного“ капитализма. Таково было на сей счет и мнение Маркса. Приведем только одно место из Маркса. „Каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, затрачивающий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой. И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — взятый ли в ссуду или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?.. Чтобы дать ответ на этот вопрос, нам придется несколько далее остановиться на действительном исходном пункте образования процента, т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически отличные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет“ („Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 357—358. Подчеркнуто нами).

Таким образом, уже в эпоху до монополистического капитализма денежный капиталист, как персонифицированный ссудный

капитал, противостоял промышленному капиталисту, как лицо играющее особую роль в процессе воспроизводства. Ссудный капитал, следовательно, уже в эпоху промышленного капитализма — самостоятельная категория, которая своими внешними формами уже наделяет в известной мере движение промышленного капитала. Или И. Трахтенберг полагает, что здесь Маркс излагает теорию монополистического капитала?

Все это имеет чрезвычайно важное значение для понимания отдельных форм капиталистического кредита, природы и генезиса ссудного капитала. Между тем, из неправильной позиции И. Трахтенберга вытекает и неверное решение этих вопросов.

А. Давая в общем правильное определение банковского и коммерческого кредита, И. Трахтенберг не может разрешить верно проблему их соотношений.

„Указанные две формы кредита соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма, банковский кредит — в условиях капитализма финансового. В эпоху промышленного капитализма банковский кредит является подчиненной коммерческому формой кредита, в эпоху финансового капитализма, наоборот, коммерческий кредит оказывается подчиненной банковскому форме кредита“ (72).

По отношению к эпохе промышленного капитализма абсолютно ясно, что наш автор здесь перевернул действительные отношения. Коммерческий кредит и в эпоху промышленного капитализма является уже подчиненным форме ссудного капитала. Трахтенберг не задается даже вопросом, откуда появляется в коммерческом кредите форма процента (чуть ли не с самого начала его развития). Не свидетельствует ли это об иных отношениях между банковским и коммерческим видом кредита, чем это предполагает автор?

Из такого решения вопроса у И. Трахтенберга вытекает и несколько странно звучащее для каждого читавшего Маркса положение о том, что объектом кредитной сделки в эпоху „свободного“ капитализма является просто капитал, и лишь в эпоху финансового капитализма объектом кредитных сделок является ссудный капитал. „Характерно, что именно в эту эпоху объектом сделок ссуды становится ссудный капитал“ (стр. 28). „Наконец, в эпоху финансового капитализма кредит как социальное отношение вновь трансформируется. Во внешнем своем выражении это проявляется в том, что основным объектом кредитных сделок является не просто капитал, а ссудный капитал“ (! Г. К.; стр. 27).

Б. Основные недостатки исследования о генезисе ссудного капитала вытекают из той же недооценки значения этой категории для эпохи свободного капитализма. Центральным вопросом в проблеме генезиса является вопрос о том, как и почему докапиталистиче-

ские формы кредита превратились в капиталистические. Как и почему ростовщический капитал превратился в ссудный капитал и процент из монопольной величины — в часть промышленной прибыли. Само собой разумеется, что если считать эпоху финансового капитализма периодом господства ссудного капитала, то эпоха „свободного“ капитализма выступает как переходная эпоха, эпоха, в которую ссудный капитал как самостоятельная категория еще не существует, но постепенно образуется. Этим самым совершенно упускаются из виду любопытнейшие странички социальной борьбы, когда зарождавшийся промышленный капитал насильственно ломал средневековые формы ссудного капитала и рядом организационных мероприятий помогал рождению подчиненной ему формы ссудного капитала. У тов. Трахтенберга весь этот процесс исчезает. Чтобы не делать длинных выписок, мы отсылаем читателя к стр. 120. Резюме этой страницы сводится к тому, что „торговля деньгами, ростовщический капитал и денежно-торговый капитал, слившись и соответственно преобразовавшись, превращаются в единый ссудный капитал“.

Маркс же об этом процессе говорит так:

„Коммерческая форма и форма, приносящая проценты, старше формы капиталистического производства, промышленного капитала.

Эти более старые формы он застаёт в эпоху своего возникновения. Он застаёт их, как предпосылки, не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса... Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они сначала должны быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть, происходит насильственное понижение размера процента, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Настоящим способом подчинения капитала, приносящего проценты промышленному капиталу является создание его отличительной формы — кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую промышленный (капитал) сам еще заимствует от методов прежнего способа производства и которую он отбрасывает, как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал себе положение. Кредитная система представляет его собственное создание, эта форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и далее

развивается вместе с крупной промышленностью“ (подчеркнуто мною Г. К. „Теории прибавочной стоимости“, т. III, стр. 367—368).

Это интереснейшее место из Маркса, которое показывает, что 1) старые формы ссудного капитала не могли просто эволюционировать (как у И. Т.) в новые, а должны были быть сломаны, 2) что одна из основных черт, отличающих капиталистический кредит от ростовщического, заключается в том, что капиталистический кредит существует как кредитная система как система отношений (притом принявших определенные организационные формы). В свете этого отрывка из Маркса становятся совершенно прозрачными те обстоятельства, которые вызвали к жизни эмиссионные банки. Эти банки были одним из важных, новых „не насильственных“ методов преодоления старого ростовщика, превращения процента в часть прибыли.

В схему И. А. Трахтенберга не укладывается весь этот процесс, обозначающий, что ссудный капитал возникает как особая, вполне определившая все свои основные черты категория вместе с развитием промышленного капитализма. Одновременно из поля зрения И. Трахтенберга исчезает учение Маркса о кредитной системе, как одной из характерных черт природы ссудного капитала. Это существеннейшая часть учения Маркса о ссудном капитале. Природа ссудного капитала оказывается не всесторонне определенной.

В. Неправильные исходные позиции приводят И. Трахтенберга и к третьей ошибке в определении ссудного капитала. Он совершенно правильно констатирует, что отчуждаемые права на доход в условиях достаточного развития отношений ссудного капитала принимают форму ссудного капитала. Но следует ли отсюда, что эти социальные отношения составляют разновидность отношений ссудного капитала?

„Существует, конечно, и различие между ссудным капиталом и капиталом фиктивным, но это различие не в характере отображаемых ими социальных связей, а в характере их отношений к капиталу реальному“ (68).

Вот это-то положение, что „различие не в характере социальных связей“ является неверным. Различие в отношении к капиталу реальному уже есть различие социальных связей и это не позволяет нам отнести всякого рода ценные бумаги к категории ссудного капитала. Маркс здесь ясно говорит, что всякого рода ценные бумаги „суть формы, в которых капитал может быть отдан в ссуду. Но сами они не суть тот ссужаемый капитал, который в них вложен“. Когда кому-либо нужно заключить заем, „ему нужны вовсе не акции или государственные бумаги. Ему нужны деньги“ („Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 16—17).

И, действительно, быть ссудным капиталом, быть ссуженным может быть только денежный капитал. Другое дело ценные бумаги и вообще всякие права на доход, которые могут быть и не резуль-

татом ссуды. Ведь в эпоху финансового капитализма этот так наз. фиктивный ссудный капитал сплошь и рядом служит особой фетишистической формой, скрывающей под маской ссудного капиталиста — действительного собственника предприятия — функционирующего капиталиста. Неужели здесь совершенно идентичные с категорией ссудного капитала социальные связи? Но И. Трахтенбергу необходимо наделить так наз. фиктивный ссудный капитал всеми свойствами ссудного капитала, и у него появляется такое положение: что „ссудный капитал является, кроме того, суммой покупательных и платежных средств. Фиктивный капитал таковым не является, но так как ценные бумаги, которые являются конкретным воплощением фиктивного капитала, легко (подчеркнуто мною. Г. К.) превратить в деньги, то и фиктивный капитал приобретает свойства покупательных и платежных средств“ (69).

Но в том-то и дело, что далеко не легко превратить его в деньги по курсу, по которому он был приобретен, а иногда и вовсе ничего нельзя за него получить. Поэтому „фиктивный капитал“ не является ни покупательным, ни платежным средством.

Отнесение к категории ссудного капитала всего так называемого фиктивного капитала является прямым следствием предвзятой точки зрения на ссудный капитал как на категорию, „господствующую“ в эпоху финансового капитализма. С другой стороны, это же приводит И. Трахтенберга к той ошибке, что он весь ссудный капитал делит на две части — „реальную“ и „фиктивную“. Проблема фиктивности ссудного капитала (как Маркс понимает эту категорию) даже не ставится. Между тем, „реальный“ ссудный капитал не менее фиктивен, чем „фиктивный“.

Резюмируем: мы не можем согласиться с концепцией И. Трахтенберга, ибо она построена 1) на представлении о „форме“ кредита, как юридической категории, 2) на положении, что господствующим в эпоху финансового капитала является ссудный капитал. Эти два положения приводят И. Трахтенберга к неправильным определениям сущности кредита, к неполной характеристике ссудного капитала (отсутствие понятия кредитной системы), к неверным взглядам о соотношении между коммерческим кредитом и категорией ссудного капитала, к включению в категорию ссудного капитала не принадлежащих сюда отношений.

Рынок ссудных капиталов

Чрезвычайно интересная проблема рынка ссудных капиталов в марксистской литературе совершенно не разработана. И. Трахтенберг пытается ее разрешить. Он характеризует рынок ссудных капиталов как единый рынок особого товара — капитал, при чем совершенно справедливо полемизирует против всех тех, кто смешивает рынок денежного ссудного капитала с рынком товарным, рынком

вещного капитала. Возражения здесь против проф. Каценеленбаума абсолютно верны.

Однако, на ряду с признанием единства рынка И. А. Трахтенберг считает возможным различать денежный рынок и рынок капиталов, опираясь на то различие между ссудой денег и ссудой капитала, которое было отмечено Марксом и Энгельсом в т. III „Капитала“. Приблизительно такая же постановка вопроса была сделана А. Мендельсоном в полемике против Каценеленбаума („Под знаменем марксизма“, № 8—9 за 1923 г.). Нам кажется, что это деление не имеет отношения к вопросу об единстве рынка ссудных капиталов, так как если бы оно было даже правильно, никакого влияния на „рынок“ это не могло бы иметь постольку, поскольку „товар“ один и тот же и „цена“ его определяется одними и теми же обстоятельствами. Но предварительно следует разобрать самую трактовку ссуды денег и ссуды капитала, которая дана Трахтенбергом. Эта трактовка опирается на ряд известных мест из т. III „Капитала“. Однако, ни И. Трахтенберг, ни другие, трактующие также этот вопрос, не приводят следующего места из „Теории прибавочной ценности“... „Здесь не говорится о тех случаях, когда процент может быть простой передачей денег и не должен выражать действительной прибавочной ценности; когда, например, деньги даются займы „расточительно“, т.-е. для потребления. Тот же случай может, однако, получиться, когда они одалживаются для платежа. В обоих случаях они отдаются займы, как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся капиталом, благодаря только акту отдачи займы. Во-втором случае — при дисконтировании или ссуде на товары, непроданные в данный момент, они могут относиться к процессу обращения капитала, необходимому превращению товарного капитала, как денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения — как в настоящем кредите — ускоряет воспроизводство, следовательно, производство прибавочной ценности, одолженные деньги являются капиталом (подчеркнуто мною. Г. К.). Поскольку они, наоборот, служат лишь для уплаты долгов, не ускоряют процесса воспроизводства, быть может, делают его невозможным или сокращают, — они представляют лишь платежное средство (только), деньги для заемщика и для заимодавца — капитал, на самом деле независимый от процесса капитала“ („Теории“, т. III, стр. 380). Это архиважное место¹ как-будто стоит в противоречии с тем, что говорится Марксом в т. III „Капитала“. В последнем Маркс повсюду трактует этот вопрос так, что если ссуда обеспечена, то мы имеем ссуду денег, а не ссуду капитала. Здесь же критерием для Маркса служит не обеспечение, а исключительно лишь то, служит ли ссуда для

¹ Мы уже указывали на него в нашей статье „Реальный и денежный капитал“ („План. Хоз.“, № 9 за 1926 г.).

„ускорения производства прибавочной стоимости“. Если цель ссуды — производство прибавочной стоимости, — это ссуда капитала, в противном случае это ссуда денег. Несовпадение первого ответа на вопрос со вторым как будто очевидно. Между тем, нам кажется здесь никакого противоречия нет. В „Теориях“ Маркс ставит этот вопрос с точки зрения народного хозяйства, — процесса воспроизводства общественного капитала, в III же томе речь идет об отношении между двумя индивидуальными капиталами — об обращении двух индивидуальных капиталов банкира и промышленного капиталиста. С этой точки зрения в случае ссуды под обеспечение банкир нового капитала заемщику не дает, ибо он получает от последнего такой же или еще больший капитал. Банкнот не уменьшил своего капитала, он, по существу, „купил“ ценные бумаги. Банкнот, таким образом, ссудил промышленника не капиталом, а деньгами. Хотя ему всегда кажется, что он ссудил капитал. С точки зрения отношения банкира и промышленного капиталиста этот последний действительно никакого капитала не получил, он превратил свой капитал из одной формы в другую. Не то с общественной точки зрения: капитал промышленника был в такой форме, в которой путем обычной товарной метаморфозы промышленник не мог (или не хотел) его реализовать. Таким образом, несмотря на наличие капитала промышленник не может продолжать процесса воспроизводства в том же объеме: часть его капитала иммобилизована, поэтому ему нужен дополнительный капитал. Он нужен, ибо есть возможность продолжать процесс производства. Таким образом, здесь не ссуда денег, а ссуда капитала. Значит ли это, что общественной оказывается точка зрения банкира? Нисколько. Ибо даже в том случае, когда капиталист, не имея возможности продолжать производство, прекращая его, требует платежных средств для расчета (в случае кризиса) и здесь банкир полагает, что он ссужает капитал. На самом же деле здесь ссуда денег, даже в том случае, если промышленный капиталист не представил никакого обеспечения (хотя в этом случае и банкиру и капиталисту кажется, что здесь ссуда капитала!). И. Трахтенберг в согласии со всей своей концепцией полагает, что „когда ссуда является только ссудой денег, а не капитала, движение ссудного капитала отображает только то распределение капиталов, которое существует... в том же случае, когда ссуда есть ссуда денежного капитала, а не только денег, движение ссудного капитала вызывает перераспределение реальных капиталов. В первом случае заемщик не получает дополнительного капитала, во втором — он его получает: посредством ссужаемых заемщику сумм он приобретает новые, не имевшиеся у него до того блага, которые могут быть использованы как капитал“ (стр. 139).

Все это положение неверно. В самом деле, возьмем самый невыгодный для нас случай — ссуду под ценные бумаги. Что здесь случи-

лось с точки зрения заемщика: он когда-то вложил часть своего капитала, ссудил других капиталистов, теперь, когда он получает ссуду под эти ценные бумаги, ему может казаться, что он никакого нового капитала не получил, что он просто получает назад то, что он сам прежде дал и что поэтому никакого перераспределения реального капитала не происходит. С народнохозяйственной точки зрения, однако, дело обстоит не так. Капиталист когда-то вложил свои деньги в ценные бумаги — он этим самым дал другим капиталистам возможность распоряжаться определенной частью общественного реального капитала. На основе этого создалось определенное распределение реальных капиталов в обществе. Теперь же, когда капиталист иммобилизованную часть своего капитала, фиктивный капитал хочет опять через ссуду превратить в реальный, он получает добавочный реальный капитал к тому, что он имеет. Сложившееся распределение реальных капиталов (именно реальных капиталов) изменяется. Происходит их перераспределение.

Единственной правильной трактовкой проблемы ссуды денег и ссуды капитала является та, которая дана Марксом в т. III „Теорий“. Это разрешение вопроса с общественной точки зрения.

Таким образом, это различие ссуды денег и ссуды капитала, конечно, является весьма существенным. Бывают такие периоды (кризисы), когда рынок ссудных капиталов на короткое время превращается в „рынок ссудных денег“. Однако, не менее существенным является другое деление рынка ссудных капиталов. И. А. Трахтенберг просто отбрасывает признак срочности кредита, как основание для деления рынка ссудных капиталов, по тем причинам, что „понятие долгосрочности и краткосрочности весьма относительно и изменяется в зависимости от места“ и т. д. (стр. 135), хотя в то же время он признает, что „срок кредитных сделок“ определяется темпом метаморфоз того капитала, в который превращается ссудный капитал“ (стр. 136). Очевидно, это последнее не должно служить достаточным основанием для деления рынка ссудных капиталов. Между тем, если дело идет о какой-то дифференциации внутри рынка какого-либо товара, очевидно, что, прежде всего, оно должно идти по линии различия отдельных сортов этого же товара. Это различие сортов объективируется в устойчивом различии цены на различные сорта одного и того же товара. Нет ли на рынке ссудных капиталов такого постоянного различия цен на отдельные „сорта“ товара — капитал? Маркс, когда говорит о вычислении размера процента (средней нормы процента), считает необходимым „вычислять размер процента при таких приложениях капитала, когда последний ссужается на сравнительно продолжительное время“ („Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 347). Маркса здесь не смущает вопрос об относительности этого понятия „продолжительное время“. Он исходит из того действительно важного факта, что существует два основных „сорта“ товара

„капитал“ и соответственно две основных цены ссудного капитала. Речь идет о долгосрочном и краткосрочном кредите. Именно с точки зрения „рынка“ следует это различие проводить. Для марксиста здесь непечатый край работы.

Границы кредита

Проблема границ кредита получила особую актуальность в связи с Гано-Шумпетеровской теорией. И. Трахтенберг уделяет этому вопросу отдельную главу. Общее решение вопроса он дает следующее: „Границы банковского кредита определяются специфическими закономерностями банковской деятельности которые, в свою очередь, обуславливаются закономерностями движения реального капитала. Здесь важна двоякая характеристика проблемы, во-первых, самостоятельность движения ссудного капитала, а, во-вторых, тесная его связь с движением капитала реального“ и дальше: „Экспансия кредита, осуществляемая через посредство „творческой“ деятельности банков по выпуску банкнот и по созданию депозитов, находит свои пределы, во-первых, в закономерностях денежного обращения и, во-вторых, в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов“ (стр. 234).

В общей форме такая постановка вопроса более или менее освещена в литературе и совершенна правильна. Но тов. Трахтенберг ею не ограничивается, пытается ее углубить и берет всю проблему под углом зрения банковских функций. Он полагает, что „теоретически допустимо“ так рассматривать вопрос о границах кредита. Мы не хотим оспаривать допустимости этого, но в данном случае это не послужило большой службы. Это в известной мере повлияло на упрощение всего вопроса. В самом деле, как должна стоять здесь проблема: 1) в какой мере существует соответствие между накоплением денежного ссудного капитала и накоплением действительного капитала; 2) где действительные границы применения ссудного капитала; 3) в какой мере переход через эти границы влияет на ход действительного накопления и, следовательно, на изменение соотношения между реальным и денежным ссудным капиталом?

Ссудный капитал состоит из различных частей в отношении к капиталу реальному. В какой же мере это различие происхождения уже определяет границы его применения? В этом суть вопроса. Казалось бы, что рассмотрение всего дела с точки зрения отдельных функций банка как-раз и должно помочь решению вопроса. На самом же деле, именно, благодаря этому вопрос был перенесен в другую плоскость. Ответы, которые мы здесь получаем, у тов. Трахтенберга сводятся к следующему. Первой границей кредита в каждой функции банка является приток средств в банк по каналам соответствующей функции, величина которого определяется ходом воспроизводства реального капитала. Возмож-

ность применения этих средств в качестве ссудного капитала лежит в ходе воспроизводства реального капитала, в потребности в этом ссудном капитале для хода общественного воспроизводства. Такой ответ не решает проблемы, он, с одной стороны, повторяет то, что было раньше сказано в общей форме, и следовательно, все раздробление проблемы по „функциям“ получило характер холостого хода. С другой стороны, такой ответ устраняет самую проблему. Между тем, именно детализация ссудного капитала на его части по происхождению представляет правильный и интересный путь к решению вопроса. В процессе воспроизводства выделяется двоякого рода свободный денежный капитал. С одной стороны, это высвобождающийся денежный капитал, как форма промышленного капитала (назовем его ссудный капитал I) и, во-вторых, это осажение денег как просто денег, превращаемых в ссудный капитал (ссудный капитал II). Здесь, с одной стороны, мы имеем осажение доходов различных классов, с другой стороны, наличных денег, высвобождающихся из оборота в результате развития банков и безденежных расчетов, одним словом, высвобождение денег, не связанное непосредственно с ходом действительного накопления. Маркс особенно подчеркивает осажение денежных доходов в банках. Рост такого рода ссудного капитала не только не выражает роста действительного накопления, но отражает прямо противоположное явление — рост потребления.

Накопление ссудного капитала I не всегда означает, что идет одновременно расширение действительного накопления, наоборот оно может выражать приостановку действительного накопления. Ибо наличие капитала вовсе не означает возможности расширения капиталистического производства. Прибыль—его граница. Но как только создаются возможности расширенного воспроизводства, так оно находит нужный ему денежный капитал в форме накопленного денежного ссудного капитала. С этой стороны ссудный капитал I не имеет границ в реальном капитале. Он соответствует реальному капиталу. Его избыток отнюдь не выражает „перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала“... „такой избыток предназначенного для ссуд денежного капитала указывает лишь на ограниченность капиталистического производства“ (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 45).

Не то ссудный капитал II. Его накопление хотя и связано, но отнюдь не выражает ни хода действительного накопления, ни возможности такого действительного накопления. Возьмем ту часть этого ссудного капитала II, которая выражает рост доходов. Здесь само происхождение уже указывает на границы его применения. Ничего не значит, что этому ссудному денежному капиталу (II) противостоят наличные товары, которые могут быть куплены на этот капитал. Это не значит, что в реальном капитале здесь нет границ для применения ссудного капитала. Уже одно превращение того товарного фонда, который соответствует доходам, в капитал таит

в себе возможность диспропорций. Таким образом, само происхождение этого ссудного капитала уже определяет его границы, указывает на невозможность его применения в качестве капитала, с точки зрения равновесия процесса воспроизводства. Но переход через эти границы неизбежен для капиталистического производства, и ко всем прочим диспропорциям капиталистического производства присоединяются диспропорции между денежным ссудным (II) и реальным капиталом. Как же отвечает нам на все эти вопросы И. Трахтенберг? Возьмем один из наиболее характерных ответов: „Вопрос о границах превращения доходов в ссудный капитал также не представляет больших трудностей... поскольку идет речь о границах банковского кредита, достигаемых этой функцией, приходится признать, что эти границы определяются вне банков в производственном процессе. Рассматриваемая здесь банковская деятельность то расширяется, то сужается, но это расширение и сужение отражают лишь процесс кругооборота реального капитала“ (стр. 227).

Но, собственно, так он решает вопрос и в отношении всех остальных функций банков. Он совершенно не ставит даже вопроса о том, как происхождение ссудного капитала влияет на границы его применения да и самая „проблема границ“ не разрешена здесь. Отсюда, собственно, и неверное решение вопроса об инфляции ссудного капитала.

„Возможна инфляция ссудного капитала как денежного капитала. Кругооборот совокупного капитала требует определенной массы капитала в денежной форме. Если же этого капитала оказывается больше, это означает, что часть его не может играть роль функциональной формы промышленности капитала“... (стр. 235).

Из такого факта несоответствия между массой ссудного и массой реального капитала вытекает, по И. Трахтенбергу, необходимость падения нормы процента, которое, очевидно, осуществляется через уменьшение спроса на ссудный капитал со стороны реального.

Таким образом, по существу инфляцию ссудного капитала И. Трахтенберг определяет как избыток предложения над спросом ссудного капитала. Это определение нам представляется столь же неверным, как и ходячее определение денежной инфляции — несоответствие количества денег количеству товаров. Из того, что мы говорили выше, ясно, что у Маркса другая постановка вопроса, значительно более глубокая. Проблема инфляции ссудного капитала это проблема соотношения накопления денежного ссудного и действительного капитала, воздействия первого на второй.

Накопление излишнего ссудного капитала, на который нет временно спроса, не есть еще инфляция, абсолютный его избыток по отношению к возможностям воспроизводства действительного капитала. Не отсутствие средств производства здесь характерно, а невозможность их использовать как капитал. Другое положение —

когда есть спрос на денежный ссудный капитал, и он кажется не только излишне накопленным, но ощущается его недостаток и в то же время мы имеем избыточный кредит, по сравнению с возможностями действительного воспроизводства. Банки могут не развивать никакой самостоятельной экспансии (чеки, банкноты, акцепты) все равно, здесь будет избыточный кредит, ибо процесс воспроизводства финансируется банком не только за счет высвобожденного денежного капитала, но за счет всяких свободных денег вообще (ссудный капитал II). Обычно дело сводят к тому, что марксов „Überkredit“ это результат сознательной экспансии банков. Нет, эта экспансия есть лишь один из элементов „Überkredit’a“, тогда как главное в ней кредитование за счет ссудного капитала II. С банковской точки зрения здесь нет никакого перехода через „границы кредита“. Здесь „регулярная“ операция. Это и понятно. Капиталистический банк их — этих действительных границ не знает, знать не может и не может не перейти. И. Трахтенберг не видит такого единственно правильного решения этой проблемы, поэтому у него получается, что инфляция ссудного капитала происходит во время застоя. Во время же подъема у него, очевидно, получается „дефляция“ ссудного капитала.

Соотношение спроса и предложения на ссудный капитал, несомненно, отражает соответствие между массой притязаний на прибавочную стоимость и массой этой самой прибавочной стоимости (Трахтенберг, стр. 235), и следовательно, известный характер отношений между реальным и денежным ссудным капиталом. Отсюда понижение нормы процента Трахтенберг рассматривает как инфляцию. Однако ясно, что он перевернул проблему. Инфляцией ссудного капитала мы можем называть лишь то, что Маркс называет „избыточным кредитом“, т.е. таким кредитом, который не соответствует сохранению равновесия реального капитала. Только так с общественной точки зрения может ставиться вопрос. Ведь в том случае, который И. Трахтенберг называет инфляцией, собственно никакое инфляционное воздействие на реальный капитал невозможно, поскольку невозможно расширенное воспроизводство капитала. У И. Трахтенберга вопрос взят не с общественной точки зрения, а с точки зрения ссудного капиталиста, поэтому получается, что при понижении процента — всегда инфляция, тогда как именно здесь и не может быть инфляции, ибо излишек денежного ссудного капитала не может здесь превратиться в избыточный кредит.

Таким образом, то, что в известной мере является следствием инфляции денежного ссудного капитала, И. Трахтенберг принял за самое инфляцию.

И. Трахтенберг должен был соблюдать здесь сугубую осторожность. Ведь из такого решения вопроса об инфляции ссудного капитала, которое он дает здесь, может быть сделан вывод, что

самый подъем после застоя, поскольку застой характеризуется инфляцией, есть результат инфляции ссудного капитала. Конечно, И. Трахтенберг далек от таких выводов, но из такого решения они следуют. Получается некое созвучие с теми самыми школами, против которых И. Трахтенберг борется...

С проблемой банкнотной и депозитной инфляции тов. Трахтенберг, к сожалению, очень легко разделяется. Этому вопросу, по нашему мнению, следовало бы уделить значительно больше места и внимания.

Нам, кажется, прежде всего совершенно необоснованным положение о том, что „чистый классический тип банкноты, циркуляция которой опирается исключительно на вексельное обращение, отошел, в сущности, в область истории. Современная банкнота характеризуется многими чертами, сближающими ее с бумажными деньгами“ (стр. 229). Нам неизвестен такой чистый классический тип банкноты вообще, с другой стороны, нам не совсем ясно о каких чертах, сближающих банкноты главнейших капиталистических стран с бумажными деньгами, идет речь. Если вопрос сводится к размену, то в С.-А. С. Ш. мы имеем свободный размен на золото, в других странах либо размен на золотые слитки, либо на девизы.

Повсюду, где эмиссия носит банковский характер и где есть прямой или косвенный размен, банкнота в основном сохранила свои черты.

То же обстоятельство, которое отмечает И. Трахтенберг (стр. 230—231), что в основу выпуска банкноты кладутся не товарные краткосрочные векселя, а как „например, в С.-А. С. Ш. возможен выпуск банкнот под обеспечение облигаций госзаймов“, то это не является сколько-нибудь новым явлением. Отсюда еще трудно сделать вывод о возможности банкнотной инфляции. Для эпохи свободного капитализма мы во всяком случае такую возможность отрицаем. Вопрос же о периоде монополистического капитализма требует специального конкретного исследования, которое И. Трахтенберг не дает. Проблема инфляции депозитов совершенно не ясна. „Инфляция депозитов будет в том случае, если размер депозитов окажется большим чем необходимо для системы без наличных расчетов и если окажется необходимым депозиты погашать наличными деньгами“ (стр. 235).

Непонятно следующее, если есть возможность погасить излишне выпущенные „депозиты“ наличными, то почему здесь будет инфляция, почему в этом случае обязательно падение покупательной силы кредитных орудий обращения, а не просто возвращение в банк излишне выпущенных „депозитов“?

Советский кредит

Тов. Трахтенберг в общем правильно выясняет основные характерные черты советского кредита, отличающие его от кредита

капиталистического. Но, пользуясь методом аналогии, он все же делает некоторые важные упущения. Советский банк не только выполняет ряд функций, аналогичных капиталистическому банку (при этом их социальном содержании), однако, также получает некоторые дополнительные важные функции. Мы говорим, прежде всего, о банке, как об орудии планирования и организации производства. „Командование“ капиталистических банков промышленностью ничего похожего не имеет на эту функцию банка. Наш банк не определяет ни производственных программ, ни характера деятельности, ни организационной структуры промышленности. Это дело органов плановых. Банк через разветвленную сеть своих отделений, через постоянный контакт с хозорганами имеет возможность быть постоянно в курсе текущего состояния дел промышленности и торговли. Имея известную свободу в распределении кредитов и пользуясь этим правом, банк заставляет точно информировать себя о положении дел на предприятии и заставляет клиентов выполнять директивы плановых органов. Так, банки сыграли большую роль в первый период нэпа в смысле налаживания учета и отчетности в госпредприятиях. Дальше, напр., во время кампании за снижение цен. Здесь мы имели прекрасную иллюстрацию того как все основные принципы работы капиталистического банка в нашем банке стоят на голове: не наиболее рентабельные предприятия вообще пользовались благосклонностью банка, а наоборот, лишь получавшие установленную минимальную норму прибыли.

Сейчас банк проделывает большую работу по воздействию на промышленность с целью усиления рационализаторской деятельности предприятий.

Приведем характерные указания на этот счет правления Госбанка... „Правление требует от управляющих (отделениями Госбанка) принятия решительных мер по мобилизации внутренних ресурсов клиентов Госбанка. В этих целях надлежит: 1) требовать от клиентов полной расшифровки счетов „материальных ценностей“, выявляя размеры неликвидных ценностей, соответствие имеющихся у них материалов, сырья и топлива производственным возможностям данного предприятия и запасов готовых товаров нуждам товарооборота... требовать расшифровки статьи „разных дебиторов“, требовать сообщения условий расчета с контрагентами... В результате установления излишних материальных запасов у клиентов необходимо категорически настаивать на реализации их... Надлежит категорически требовать от клиентуры доведения до минимума загрузки средств в разных переходящих статьях.

Необходимо проявлять максимальную гибкость в маневрировании лимитами кредитования клиентов, ставя размеры предоставляемых кредитов в зависимость от проведения в жизнь указанных мероприятий... Управляющие должны помнить, что проводя эту работу, они охраняют не какие-либо ведомственные или чисто бан-

ковские интересы, а содействуют созданию условий, необходимых для проведения и полного стопроцентного осуществления намеченного плана развертывания нашего хозяйства вообще и плана развертывания нашей промышленности в особенности" (из „Бюллетеня Госбанка“, № 9 за 1928 г.).

Таким образом, банки играют особую роль в системе органов планирования. Они как бы на ряду с системой прямого администрирования и воздействия представляют собой мы бы сказали, систему „косвенного планирования“. Она так же не похожа на пресловутый „банковский контроль“, как не похожа деятельность ВСНХ на деятельность крупнейших промышленных объединений в капиталистических странах.

Если, как мы говорили, довольно правильна общая характеристика советского кредита у И. Трахтенберга, то в смысле тенденции его развития, нам кажется, И. Трахтенбергу не удалось найти действительных путей „перерождения“ нашего кредита.

Прежде всего, о роли процента. „Нам сдается, что до сих пор деятельность наших банков шла по линии наименьшего сопротивления, главнейших и наиболее существенных своих функций советский банк не только еще не выполнил, но еще и не развернул. При использовании же банками всех своих функций процент будет играть очень большую роль“ (стр. 293).

Очевидно, речь идет о роли кредитной системы в реорганизации простого товарного хозяйства, в его кооперировании и коллективизации. Действительно, здесь его роль должна быть огромной.

Можем ли мы, однако, сказать, что здесь в этой большой организационной работе, предстоящей нашей кредитной системе, маневрирование процентом будет играть большую роль? Нам кажется, что это не так. Процент в активных операциях вообще, очевидно, большой маневренной роли сыграть не может. Речь может идти о пассивных операциях, о привлечении средств. Для нас совершенно очевидно, что не на деньги деревенских ростовщиков мы здесь можем делать ставку, а на ту огромную крестьянскую массу, для которой копилкой служит „чулок“. Замена чулка сберкассой или обществом с.х. кредита, — это вопрос не размера процента, это вопрос роста культурности, сознательности крестьянства и его организованности.

Процент, — это пока необходимые, но непроизводительные издержки по мере роста культурности населения и рационализации нашей кредитной системы должен будет снижаться.

Почему нельзя думать, что скоро в порядок дня не будет уже несвоевременно поставить вопрос о беспроцентных (и безвыигрышных) займах государству со стороны широких слоев прежде всего пролетарского населения?

Тенденция к снижению процента неизбежно будет осуществляться как выражение роста социалистической организованности

всего хозяйства, а вместе с тем совершенно неизбежно уменьшение его значения. Но этот вопрос связан еще с другим более общим вопросом о „перерождении“ наших банков в течение переходного периода.

Нам кажется, что и здесь И. Трахтенберг не нащупал верного пути. Он пишет: „В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются“ (стр. 279).

Вот это неверное положение вытекает, как нам кажется, из недооценки роли бюджета и системы прямого планового финансирования, ее конкуренции с кредитом и постепенного его вытеснения.

В самом деле, что такое система прямого финансирования (бюджет) и чем она отличается от кредитной системы? Система финансирования опирается на плановое изъятие в денежной форме в центральную государственную кассу части национального дохода с целью планового его перераспределения. В кредитной системе планирование начинается с планового перераспределения средств, но высвобождение их вначале идет стихийно. Но и здесь очень быстро начинается вытеснение стихийного рациональным.

Ведь наши кредитные планы являются результатом и отражением других планов, планов производства.

В этом основная, принципиальная разница между нашими кредитными планами и всякого рода капиталистическим кредитным планированием.

Из этого же вытекает существенное различие в функционировании нашего и капиталистического кредита. Оно заключается в том, что на ряду с процессами стихийного высвобождения капиталов у нас все большую роль начинают играть процессы планового их высвобождения.

Кредитный план является планом не только в своей активной части, но и пассивной.

План пассива все больше строится не на основе одних только предположений самой кредитной системы, а все больше опирается на производственные финансовые планы.

„Прямое“ планирование, устанавливающее определенный рост производства, определенные размеры затрат на капитальное строительство, определенный способ и размеры расходования накопленных прибылей, — вместе с этим устанавливает, следовательно, и размеры и сроки высвобождения капитала.

Само высвобождение из стихийного превращается в плановое.

Вначале эти процессы планового высвобождения охватывают, главным образом, крупную промышленность, а потом (по мере успехов прямого планирования) постепенно распространяются на все отрасли народного хозяйства.

Так, постепенно уничтожается противоречие между стихийным высвобождением денежных капиталов и плановым их распреде-

нием, противоречие, которое в известной мере появляется при капитализме, но не только не может быть там разрешено, но не может даже в достаточной степени развиваться.

Вместе с разрешением этого противоречия изменяются и функция и характер кредитной системы. Она просто превращается в систему „прямого финансирования“.

Мы не видим никакой принципиальной разницы между плановым изъятием средств путем бюджета и „высвобождением“ средств в кредитную систему путем намечения твердой финансовой и производственной программы предприятий.

Таким образом, кредитная система еще задолго до уничтожения денежного хозяйства вообще трансформируется в „систему прямого финансирования“, постепенно „срачивается“ с бюджетом в систему „единого финансирования“.

Этот процесс в сильной степени форсируется и с другой стороны — со стороны бюджета. Поскольку наш бюджет служит не только цели финансирования „непроизводительного“ потребления государственного аппарата, но, главным образом, перераспределения накопления различных отраслей хозяйства (и внутри отдельных отраслей промышленности), постольку он становится главным источником средств системы долгосрочного кредита. А огромные размеры бюджета, связанные с его народнохозяйственными функциями, делают его весьма солидным источником и для системы краткосрочного кредита. Таким образом, с двух сторон — со стороны и бюджета и кредита — быстрыми шагами идет создание „системы единого планового финансирования“. Вот почему нам кажутся неверными такие положения, как „кредит дополняет бюджет“, „кредит не является методом, конкурирующим с бюджетом“ (стр. 305).

Мы полагаем, что в нашей действительности с совершенной ясностью уже определились те черты особого рода конкуренции „бюджетных методов“ с кредитными, о которых мы говорили выше. А это явление не меняющейся практики сегодняшнего дня, а более длительного и принципиального значения.